Шабага И.Ю.

Искусство владения словом как средство решения жизненных проблем (на материале панегириков IV века императорам Константину и Феодосию)

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2880]

[Публикация работы:]
Шабага И.Ю. 2012: Искусство владения словом как средство решения жизненных проблем (на материале панегириков IV века императорам Константину и Феодосию) // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2. Сб. науч. тр. XVII Сергеевских чтений. 189-195.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ИСКУССТВО ВЛАДЕНИЯ СЛОВОМ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПРОБЛЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАНЕГИРИКОВ IV ВЕКА ИМПЕРАТОРАМ КОНСТАНТИНУ И ФЕОДОСИЮ)

И. Ю. Шабага

(Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет)

Самым распространенным видом публицистики в период Поздней Римской империи были панегирические (хвалебные) и благодарственные речи в честь императоров. С такими речами выступали, как правило, тщательно отобранные ораторы или в присутствии самого императора, или перед его ближайшим окружением.

При этом панегирики произносились — как правило, они были рассчитаны именно на устное восприятие (Pan. Lat. IV 4.4) — по самым разным поводам: на годовщину правления императора, по поводу его победы над внешним врагом или политическим противником, в связи с посещением того или иного города или заключением брачного союза и т. д.

Поводом же к произнесению благодарственной речи обычно служило некое конкретное благодеяние императора, например, назначение оратора на должность консула или руководителя риторской школы, прощение недоимок или снижение налогов с родного города панегириста и т. д.

Поскольку в статье рассматриваются две панегирические речи, подробнее остановимся на тех задачах, которые, вне зависимости от повода и цели их произнесения, ставили перед собой их авторы.

1. С формальной точки зрения панегиристы обязаны были создать литературное произведение в строгом соответствии с канонами жанра торжественного красноречия, то есть полное всевозможных риторических украшений. Предпочтение отдавалось, как правило, антитезе, антономасии, гиперболе, эпитету, риторическому вопросу и фигуре умолчания.

Материал располагался по хронологическому или тематическому принципу.

2. В содержательном плане все ораторы решали две взаимосвязанные задачи.

Первая из них была очевидна: прославление личности и деяний императора-адресата речи, что составляло формальное содержание всякой панегирической речи.

Второй, менее явной, но весьма существенной целью практически каждого публичного выступления в честь императора была подготовка общественного мнения в нужном для того (и его окружения) направлении.

Например, из речей сборника «XII Panegyrici Latini» одни провозглашали новое направление императорской политики (Pan. Lat. VII), другие интерпретировали текущие события в нужном для императора и его окружения свете (Pan. Lat. IX, X), третьи — рисовали желательную программу действий императора в интересах той общественной группы, от лица которой выступал панегирист (Pan. Lat. III, VI).

Таким образом, публичные выступления носили официозный характер и служили своеобразным средством пропаганды императорской политики (Шабага, 1997, с. 56—61, 2000, с. 105; 2008, с. 44).

3. Наконец, панегиристы преследовали еще одну, не афишируемую, но чрезвычайно важную для себя цель: извлечение личной выгоды из своего выступления. Как правило[1], эта задача тщательно ими вуалировалась, но в том случае, если панегирист был уверен в хорошем отношении к себе со стороны императора, он мог вставить личную просьбу в свою официозную речь.

Так, например, поступил анонимный автор Pan. Lat. VII, произнесенного в 310 году перед императором Константином I по поводу празднования годовщины основания города Августы Треверов и посвященного обоснованию законности власти Константина после его разрыва с династией Иовиев-Геркулиев. В самом конце своей речи оратор осмелился высказать такую просьбу: «Я вверяю тебе своих детей и в особенности этого, уже занимающегося защитой высших интересов фиска, на которого я возлагаю все свои надежды. Если ты когда-нибудь приблизишь его к себе, он будет счастлив служить тебе и прекрасно подойдет тебе по возрасту» (Pan. Lat. VII 23.1)[2].

Выполнил ли Константин эту просьбу оратора, неизвестно, однако вероятность этого очень велика. Мы знаем несколько случаев, когда панегирист получал выгоду — материальную и иную — от своего удачного выступления (устного или письменного).

В качестве примера сошлемся на чрезвычайно благоприятные итоги произнесения двух речей — панегириков Публилия Оптациана Порфирия императору Константину I (326 год) и Латина Паката Дрепания — императору Феодосию I (389 год).

Сначала рассмотрим более позднюю по времени написания речь Паката, поскольку в ней задача получения личной выгоды замаскирована, а основной целью является выполнение политического заказа императора (Шабага, 1997, с. 59), что характерно для абсолютного большинства панегириков.

Пакат был галльским ритором и поэтом (Auson. Ep. 8. 11, 2; 23.10). Широкую известность он приобрел после произнесения панегирика императору Феодосию. Нам он известен прежде всего как составитель крайне тенденциозного сборника «XII Panegyrici Latini», в который Пакат включил и свой панегирик, принадлежащий к лучшим произведениям жанра торжественного красноречия (Panégyriques Latins, 1949, p. XV). Близкими друзьями Паката были его более знаменитые соотечественники Авзоний (Ep. 20 inscr.; 23 inscr.; 27 inscr.)[3] и Симмах (Symmach. Ep. 8. 11, 12; 9. 61, 64, 72).

В начале 389 года Пакат прибыл в Рим и летом того же года произнес панегирик перед императором Феодосием, который справлял там триумф по поводу победы над узурпатором Магном Максимом, в течение пяти лет удерживав-

---

[1] Иногда, как будет показано ниже, эта задача становилась основной, а создание высокохудожественного произведения, восхваляющего особу императора, являлось лишь средством ее выполнения.

[2] Здесь и далее перевод автора.

[3] Кроме того, Авзоний посвятил Пакату три своих произведения: книгу эклог, «Действо семи мудрецов» и вторую редакцию (390 год) «Технопегний» (Авсоний, 1993, с. 290, 296—297, 318).

шем власть в Британии, Галлии и Испании. В своей речи Пакат от лица антисепаратистски настроенных представителей галльской аристократии поблагодарил Феодосия за освобождение Галлий от «тирана» и уверил его в неизменной преданности жителей Галльских провинций центральной римской власти (Шабага, 1997, с. 105).

Эта речь потребовала от нашего оратора, несмотря на весь его опыт и высокое мастерство, значительного напряжения сил. Дело в том, что при ее написании Пакат все время должен был помнить о трех очень деликатных моментах.

Во-первых, ему следовало объяснить в благоприятном для адресата свете то обстоятельство, что Феодосий и Валентиниан II[4] заключили с Максимом политический союз, который сохранялся в течение пяти лет, и что Максим правил в Галльских провинциях прежде всего с одобрения Феодосия (Pan. Lat. XII 24.1; 43.5; Ambros. Ep. 24. 7. 9; 40.22; Zos. 4. 37.3; Socr. 5. 11.12; Paschoud, 1979, p. 423—424).

Во-вторых, панегиристу надо было смягчить тот факт, что вооруженный конфликт происходил между единоверцами, поскольку и Феодосий, и Максим были ортодоксальными христианами (St. August. Civ. Dei 5.26; Socr. 5.6). Более того, основной причиной своего похода в Италию Максим выставлял то обстоятельство, что он хотел наказать еретика арианина Валентиниана II (Ambros. Ep. 40. 26; Zos. 4. 44.3—4; Zonar. 13. 18.1-5; Socr. 5. 12.11; Soz. 7. 13.10; Theodoret. 5. 14).

Заметим кстати, что практически все панегиристы IV века старались вовсе не затрагивать религиозные вопросы, очень остро стоявшие в тот период ожесточенной борьбы между отмирающим язычеством и побеждающим христианством.

Самая же трудная и деликатная для панегириста проблема заключалась в том, что Феодосий и Максим были родственниками (Pan. Lat. XII 24.1; 43.4; 44.2—3; Ambros. Ep. 40.32; Zos. 4.35.5), и потому Пакату следовало изложить все трагические события описываемого времени таким образом, чтобы, с одной стороны, никоим образом не оскорбить императора, а с другой — чтобы ни у кого из слушателей не возникло и тени сомнения в том, что Феодосий просто-таки обязан был казнить побежденного противника.

Все эти соображения заставляли панегириста быть очень осторожным в подаче и освещении фактического материала.

Пакату удалось расставить нужные акценты и блестяще справиться со стоявшими перед ним трудностями. Для этого он, как правило, смягчал позицию Феодосия и одновременно преувеличивал вину Максима в развязывании военных действий. Кроме того, панегирист постоянно подчеркивал неспособность Максима управлять находившимися под его властью территориями, что прямо противоречит данным других источников (Ambros. Ep. 40.23; Sulp. Sev. Dialog. 3. 11.2; Oros. 7.34.9; Greg. Tur. 2.9).

Основным приемом, позволившим Пакату превознести заслуги Феодосия перед отечеством, было постоянное замалчивание неприятных для адресата речи и выигрышных для Максима фактов.

---

[4] Под властью Валентиниана II находилась Западная, а под властью Феодосия — Восточная часть империи. При этом юный Валентиниан не предпринимал никаких важных решений, не согласовав их предварительно с Феодосием (Ambros. Ep. 24.11).

Феодосий с большим удовольствием выслушал искусно построенную речь панегириста, которая длилась, судя по объему текста (примерно один печатный лист), свыше двух часов.

Это заключение мы можем сделать на основании того, что император очень быстро и очень щедро наградил Паката: уже в следующем 390 году он назначил панегириста проконсулом Африки (CTh IX 2.4; Auson. Ep. 20 inscr.; 27.1), а в 393 году — управляющим личным императорским имуществом (comes rerum privatarum) (CTh IX 42.13 data Constantinopoli, d. 12 Jan. a. 393; CJust. XI 67.1; Seeck, 1961, S. CXCIII; Hanslik, 1942, S. 2058; Stroheker, 1948, S. 197).

Таким образом, благодаря единственной удачно произнесенной речи в честь императора рядовой, ранее известный лишь в своей провинции ритор вошел в число управленческой верхушки империи и попутно значительно улучшил свое материальное положение.

Что касается панегирика Публилия Оптациана Порфирия, то он стоит особняком среди всех известных нам произведений подобного рода с точки зрения как формы, так и содержания[5].

Этот панегирик откровенно был написан исключительно для получения личной выгоды, и восхваление императора Константина послужило Оптациану надежным и давно проверенным средством для осуществления поставленной задачи.

Об Оптациане мы знаем очень мало и практически только из его сочинений: вероятно, он родился в Африке в знатной семье и по какой-то неизвестной нам причине попал в ссылку[6], после освобождения из которой сделал успешную чиновничью карьеру: в 329 и в 333 гг. он занимал должность префекта Константинополя (Optat. Paneg. 1.8, 2.31, 20.22; Chr. Min. I (a. 329, 333); Müller, 1877, S. VII; Teuffel, 1913, S. 216, Schanz, 1959, S. 11).

Но прежде чем успешно подниматься по карьерной лестнице, панегиристу надо было каким-то образом выбраться из ссылки.

По зрелому размышлению Оптациан пришел к выводу, что у него есть лишь одна возможность добиться этого, а именно: воспользоваться амнистией, которая должна была состояться в 326 году в связи с празднованием Виценналий (Двадцатилетия правления) Константина (Optat. Paneg. Carmina 4.1, 9.35, 16.35, 19.33; Seeck, 1922, S. 267; Helm, 1959, S. 1930). Для этого панегирист должен был каким-то образом не просто обратить на себя внимание императора, но и поразить его настолько, чтобы тот захотел ему помочь. Поэтому Оптациан решил создать произведение, которое бы резко выделялось среди других произведений панегирического жанра.

Панегирист прекрасно понимал, что в силу сложившихся обстоятельств он не имеет возможности *произнести* свою речь перед Константином, с которым, вероятно, был лично знаком (Müller, 1877, S. VIII); более того, Константин давно

---

[5] Впрочем, многие ученые оценивают неординарное творение панегириста очень скептически. Например, известный немецкий филолог В. С. Тойффель назвал панегирик Оптациана «сумасбродным/полоумным» (Teuffel, 1913, S. 216: "aberwitziger"), а Р. Хельм — «бредовым стихотворным пустячком» (Helm, 1959, S. 1928: "Publilius Optatianus Porfyrius ist der Verfasser hirnverbranntner Versspielereien").

[6] Сам панегирист уверяет, что был наказан несправедливо (Paneg. 2.31).

привык к многочисленным пышным славословиям в свой адрес. Значит, рассуждал Оптациан, надо поразить не столько слух, сколько взор императора. Поскольку свободного времени в ссылке у него было много (Optat. Paneg. 13.5), а мастерства было не занимать, Оптациану удалось создать уникальное в своем роде произведение, содержание которого, представляющее собой обычный для панегириков поток неудержимой лести, было заключено в определенную графическую, и при этом очень красочную, форму[7]. Иначе говоря, панегирист создал произведение, представляющее собой нерасчленимый сплав формы и содержания.

Двадцать глав панегирика Оптациана написаны тремя способами.

1. Большинство глав (с. 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 18, 19) представляют собой квадрат, образованный связным стихотворным текстом; этот квадрат состоит по вертикали из того же числа гекзаметров, из скольких букв по горизонтали состоит каждый гекзаметр (обычно 35/37 букв на 35/37 строк). Буквы, образующие внешние стороны квадрата, нарисованы красной краской и складываются в лозунговые фразы, представляющие собой здравицы в честь Константина и проводимой им политики. Например, лозунговая фраза главы четырнадцатой выглядит таким образом: «Summi dei auxilio nutuque perpetuo tutus orbem tutum pacavit trucidatis tyrannis[8] Constantinus pius et aeternus imperator reparator orbis»[9].

Написанные суриком буквы внутри квадратов также складываются в такого же рода лозунги и одновременно образуют различные геометрические фигуры — прямоугольники, ромбы, треугольники, многоугольники и т. д.

2. В ряде глав лозунговые фразы образуют различные рисунки. Например, в carmen 9 текст изображает пальмовую ветвь, в carmina 8, 14 — монограмму Христа, а в carmen 19 — одновременно и монограмму Христа, и руль и корму корабля.

Заключительная глава панегирика (с. 20) написана в форме сиринги (тростниковой семиструнной флейты), поперечную планку которой составляет программая фраза «Augusto victore[10] iuvat rata reddere vota»[11].

При этом левая часть фигуры представляет собой написанное ямбом стихотворение в форме прямоугольника из двадцати шести строк, каждая из которых состоит из восемнадцати букв, а правая — неправильный четырехугольник из стольких же строк, причем первая и последняя строки написаны гекзаметром. При этом первая строка состоит из двадцати пяти букв, а каждая последующая удлиняется на одну букву, так что последняя состоит из пятидесяти букв.

3. Некоторые главы панегирика (с. 11, 12, 13, 16) являют собой написанный разным размером стихотворный текст, выделенные буквы которого образуют акро-, мезо- и телестихи и также являются здравицами в честь Константина.

---

[7] Например, чтобы выдержать графику главы 19, панегирист написал nomizin вместо nomizein, а в главе 21 Оптациану даже пришлось исковеркать собственное имя и вместо правильного написания “Porphyrius” написать “Porfyrius”.

[8] Имеются в виду победы Константина над Максенцием (312 г.) и Лицинием (324 г.).

[9] «Высшего Бога покровительством и неизменным божественным расположением хранимый, весь мир успокоил, сокрушив тиранов, Константин благочестивый и вечный император, восстановитель мира».

[10] Имеется в виду победа над Лицинием.

[11] «После победы Августу приятно выполнять данные <им> обеты».

Своеобразным шедевром является глава пятнадцатая, написанная таким образом, что каждая из ее пятнадцати строк не похожа на остальные.

Так, первая строка этой главы состоит только из двухсложных, вторая — только из трехсложных, четвертая — только из пятисложных слов; шестая строка состоит из пяти, а седьмая — из восьми различных частей речи; в восьмой строке все слова стоят в форме accusativus singularis neutrum. Строка девятая написана гекзаметром, а десятая — пентаметром, причем эти строки читаются и слева направо, и справа налево. Строки одиннадцатая и двенадцатая, если читать их слева направо, написаны гекзаметром, а при чтении справа налево — пентаметром. Строка тринадцатая написана таким образом, что слева направо читается пентаметром, а справа налево — гекзаметром. Наконец, строки четырнадцатая и пятнадцатая написаны гекзаметром, если читать их слева направо, и сотадическим стихом[12] — если читать справа налево.

Когда Константин увидел все это графико-поэтическое великолепие, преподнесенное ему кем-то из влиятельных друзей Оптациана в Никее или, что более вероятно, в Никомедии (Müller, 1877, S. VIII), он, судя по его дальнейшим действиям, пришел в искреннее восхищение. Спустя немного времени император отправил Оптациану восторженное благодарственное письмо, в котором высоко оценил поэтическое и графическое мастерство панегириста, назвал его «frater carissime» («дражайший брат») и известил об освобождении из ссылки[13].

Таким образом, находчивость, упорство в достижении поставленной цели и виртуозное владение словом помогли Оптациану благополучно разрешить свою крайне трудную жизненную проблему.

Конечно, не все панегиристы вознаграждались за удачно произнесенные ими в честь императора речи столь щедро и непосредственно, а благодарственные речи вообще, как было отмечено, произносились за уже оказанное благодеяние. Тем не менее, высокое искусство владения словом, используемое в нужном направлении, всегда приносило ораторам большую или меньшую личную выгоду.

Авсоний (1993) Стихотворения / изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М.

Шабага И. Ю. (1997) Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М.

Шабага И. Ю. (2000) Небесное видение как элемент земной политики Константина Великого // Труды кафедры древних языков. М. Т. 1.

Шабага И. Ю. (2008) Публилий Оптациан Порфирий: Панегирик императору Константину // Кентавр = Centaurus: Studia classica et medievalia. М. № 4.

Hanslik R. (1942) Latinus Pacatus Drepanius // RE. Bd. 8.1.

Helm R. (1959) Publilius Optatianus Porfyrius // RE. Bd. 23.2.

Müller L. (1877) Publilius Optatianus Porfyrius. Opera / rec. L. Müller. Leipzig.

Panégyriques Latins (1949) / texte établi et trad. par Ed. Galletier. Paris.

---

[12] Так называются стихи, написанные так называемым определенным, «сотадическим» (по имени Сотада, греческого поэта III века до н. э.) размером, состоящим из трохаических тетраметров.

[13] Это письмо, ответное послание Оптациана, ранее врученный Константину Панегирик и добавленные к нему семь новых стихотворений составляют содержание второго посвященного панегиристом Константину сборника.

Paschoud F. (1979) Zosime. Histoire nouvelle. Paris. T. 2.

Schanz M. (1959) Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. München. Bd. 4.

Seeck O. (1922) Geschichte des Untergagngs der antiken Welt. Stuttgart. Bd. 4.

Seeck O. (1961) Symmachus, Q. Aurelius. Quae supersunt / ed. O. Seek. Berolini. (MGH AA 6.1.)

Stroheker K. F. (1948) Der senatorische Adel in spätantiken Gallien. Tübingen.

Teuffel W. S. (1913) Geschichte der römischen Literatur. 6. Aufl. Leipzig; Berlin. Bd. 3.